

Внезапное отчаяние от желания увидеть ее пронзило его, но прежде чем он смог найти ее, туман окутал его разум. Он успел подумать лишь одну связную мысль, прежде чем снова погрузился во тьму.

После всего, что он сделал... Цунаде все еще была здесь.

Эта мысль принесла неожиданное утешение, но оно было мимолетным, когда он снова погрузился в пучину своих кошмаров. Некоторые из его жертв кричали, но большинство из них испустили последний вздох в тишине. Снова и снова его клинок резал, его Чидори колол, его электричество било.

Пока он не утонул в крови.

Когда Какаши снова открыл глаза - через несколько минут, часов, дней, - он все еще чувствовал вкус крови. Но на этот раз вместо темноты его окружал слабый солнечный свет. Когда к нему медленно вернулись чувства, он понял, что зажал язык между зубами. Боль пронзила рот, когда он высвободил язык, и вырвался стон. У его кровати произошло какое-то движение. Над ним появилась Цунаде, темные круги затеняли ее глаза. Он лишь непонимающе смотрел на нее, когда она приложила прохладную руку к его челюсти, и ее светлые брови озабоченно нахмурились. "Не шевелись. Сейчас все заживет".

Тепло смыло боль, хотя густой привкус крови остался. Он хотел спросить, почему она здесь, а не в Конохе. Почему она осталась после того, как увидела, что он сделал? Но все, что он смог вымолвить, это невнятное: "Как...".

"Это твои кошмары. Ты не можешь контролировать то, что..." Цунаде опустила голову и отстранилась, но не раньше, чем он увидел слезы.

Какаши пришлось повернуть голову, чтобы держать ее в поле зрения. Его сердце болезненно колотилось. Его мысли пробивались сквозь дымку, но одно было ясно: Цунаде больно, и это из-за него. Что бы он ни делал, он всегда причинял боль тем, кто был ему дорог. Он стиснул зубы, липкие от крови. Если бы только... если бы только...

Цунаде подняла взгляд и встретила с ним глаза. Выражение ее лица изменилось. Резко наклонившись вперед, она коснулась его лба. "Тебе еще многое предстоит сделать. Спи и восстанавливайся".

Как только сон одолел его, начались кошмары.

Какаши открыл глаза. Его перевязанная грудь вздымалась от последних остатков сна, но пульс замедлился, когда он осмотрел комнату вокруг себя. Судя по отсутствию вещей, это была небольшая спальня, скорее всего, для гостя. Медленно он поднялся и сел.

Красные отблески заката освещали окно справа от кровати. Какаши провел рукой по волосам, ища последние воспоминания о сознании. Хотя его мышцы все еще сотрясались от кошмаров, физические раны были не более чем тупой болью. Цунаде снова спасла его...

Цунаде.

Холодный кулак сжался вокруг его нутра. Какаши откинул одеяло и неловко свесил ноги с края кровати. На него накатила волна головокружения, и он ухватился за край матраса. Черт бы побрал эти кошмары. Раны, может, и зажили, но все тело дрожало от усталости, как будто он без остановки бежал в Суну. Голова раскалывалась, и он закрыл глаза, впиваясь пальцами в простыни.

Цунаде. Еще хуже, чем кошмары, было выражение ужаса в ее глазах, когда она увидела, что он сделал с бывшим шиноби Корня. Когда она увидела, на что он способен. Она пыталась скрыть это, но он видел это отчетливо. Отвращение.

Плечи Какаши поникли. Каков был его план? Собирался ли он побежать за ней и сказать ей, что то, что она видела, было неправдой? Что это был не он? Потому что это была правда, и теперь они оба знали это.

Он был убийцей, и ничто не могло этого изменить.

Дверь спальни открылась, и вошла Цунаде, держа в руках чашку с паром. Ее глаза расширились. "Какаши!" Она поспешно поставила чашку на маленький комод и бросилась к нему. "Как ты себя чувствуешь?"

Какаши заглянул в ее прекрасные медовые глаза, полные беспокойства. Но все, что он мог видеть, это те же глаза, темные от отвращения. Это пронзило его до костей, и он заслужил это. Он разорвал контакт и опустил голову. "Лучше".

Цунаде колебалась, но наконец отступила назад. Какаши не смог сдержаться: как только она отвернулась, его взгляд устремился на нее, как взгляд нищего, жаждущего бриллиантов, на которые он никогда не сможет рассчитывать. На ней по-прежнему была темно-синяя форма джонина, без бронежилета и перчаток, но и рубашка, и брюки были в беспорядке, как будто она не думала переодеваться несколько дней. Может, и не думала. Как давно они здесь?

Цунаде прочистила горло, роясь в медицинском пакете. "Мне нужно наложить новые повязки на твои раны. Они затянулись, но я не хочу рисковать тем, что что-то откроется снова".

Какаши хрюкнул в ответ. В голове у него поплыли головокружительные круги, и он закрыл глаза.

Присутствие Цунаде приближалось, но он продолжал закрывать глаза. Ее пальцы касались его

груди и торса, когда она разматывала старые бинты, и он не мог сдержать дрожь от ее близости. Почему ее запах был таким пьянящим? Он вздрогнул, когда прохладная влажная ткань коснулась нежной кожи, и его глаза сами собой открылись.

Лицо Цунаде находилось в нескольких дюймах от его лица, но ее внимание было приковано к его ранам. Он непроизвольно наклонил голову ближе, вдыхая аромат ее волос, и теперь был так близко, что мог бы зарыться лицом в изгиб ее шеи. Он выпрямился, тихо ругаясь, и надеясь, что Цунаде этого не заметила. Ему нужно было взять себя в руки, пока он не причинил им обоим еще больше боли.

Он был сломлен, у него было слишком много ран, чтобы их можно было сосчитать. И он не знал, исцелится ли он когда-нибудь. Он не мог позволить себе пролить кровь и на Цунаде.

Цунаде собрала свежие бинты и начала обматывать полоски льна вокруг его груди. Она по-прежнему не смотрела на него, но ее руки дрожали, когда она заправляла конец и приступала к новому полотну. Пронзительная боль пронзила его, и он не мог дышать. Он не мог спросить, чего она боится; он боялся, что ответом будет он.

Какаши обхватил колени, переключая внимание на что-нибудь - что угодно, кроме дрожи Цунаде. "Когда ты вернешься в Коноху? Конечно, они не могут долго оставаться без своего хокаге".

Цунаде вздрогнула. Ее взгляд был острее, чем острие куная. "Мы вернемся в Коноху, когда ты будешь готов".

Какаши тяжело сглотнул, но ничего не ответил, глядя, как она поднимается на ноги и идет к комоду у противоположной стены. Он знал, что должен что-то сказать... предостеречь её от того, кем он стал, но не мог сосредоточиться. И самая глубокая его часть не могла этого сделать. Он не мог встретиться с этой черной дырой внутри себя в одиночку. Он хотел обнять ее, уткнуться лицом в ее шею и обнять ее.

Цунаде снова появилась перед ним и протянула чашку, которую принесла раньше. "Вот, выпей это. Я сделала это, чтобы помочь тебе справиться с кошмарами".

Какаши моргнул. Его кошмары? Неужели они настолько очевидны? Он снова посмотрел в затененные глаза Цунаде, на ее дрожащие руки... и получил ответ. Он до боли впился пальцами в колено. Он заставил себя потянуться к чашке другой рукой, но чувства подвели его, и он наткнулся кончиками пальцев на запястье Цунаде. "Прости." Он попытался снова, но безуспешно. "Я... я не..."

"Какаши. Позволь мне." Рука Цунаде скользнула по его шее, крепкие пальцы обхватили его голову и поднесли чашку ко рту. Она держала ее на месте, пока он не закончил глотать горькую жидкость, затем опустила чашку. "Хорошо. Теперь ложись и спи". Ее мягкие розовые губы изогнулись, хотя ему показалось, что он заметил легкую дрожь. "Тебе нужны силы, чтобы мы могли вернуться в Коноху".

Какаши с помощью Цунаде откинулся на кровать, его веки отяжелели. Над ним сомкнулась уютная чернота, и в последний раз он увидел Цунаде; ее голова и плечи поникли от усталости. Она отвернулась и уткнулась лицом в руки.

Цунаде. Прежде чем Какаши успел дотянуться до нее, темнота накрыла его.

Мягкий храп разбудил Какаши. Он открыл глаза от уютной дымки сна, каждый мускул был расслаблен. Его сердце билось медленно и ровно, а на теле не было ни капли лихорадочного пота. Долгое время он лежал неподвижно и дышал. Он не спал так крепко уже много лет, и ему казалось, что он может бежать до самой Суны.

Рецепт Цунаде действительно...

Цунаде.

Непреодолимая потребность найти ее пульсировала в нем, но что-то еще удерживало его на месте. Какаши вцепился в простыни, устремив взгляд в потолок: он слишком боялся посмотреть, есть ли она в комнате. Боялся, что ее нет. Вопросы и страхи терзали его. Любила ли она его до сих пор? Может ли она все еще любить его, после того как увидела, на что он способен?

Выражение отвращения на ее лице было единственным ответом, который у него был. Он зажмурил глаза. Как может быть другой ответ? Он был запятнан кровью всех тех, кого он убил. Запятнан так глубоко, что он знал, что никогда не сможет полностью от нее освободиться. Как она могла полюбить такого человека?

Какаши тихо застонал. И все же, после всего, он все еще хотел ее. Нуждался в ней. Нуждался в ней всеми фибрами своего существа.

От размышлений его оторвал очередной храп. Храп? Какаши посмотрел направо и обомлел. Свет закатного солнца, проникающий через окно, давал достаточно света, чтобы разглядеть спящую фигуру. Цунаде раскинулась на другой стороне кровати, как будто упала от усталости и заснула там, где лежала. Ее голова была повернута к окну, но он мог различить ее ровное дыхание.

Несмотря ни на что, он не смог сдержать улыбку. Видя свою хокаге в таком уязвимом положении, он согрел пустоту в груди. По крайней мере... она доверяла ему настолько, что спала в его присутствии. Его улыбка расширилась. Ее храп был восхитителен.

Все, чего он хотел, это быть рядом с ней. Поддавшись первобытной потребности, Какаши перевернулся на бок и придвинулся достаточно близко, чтобы заглянуть в ее лицо, закрытое завесой светлых волос. Его сердце болело, пульсируя с каждым ударом. Почему ужас в ее глазах был единственным, что он мог вспомнить? Нет. Какаши залюбовался изгибом ее шеи и шелковистыми светлыми прядями, разметавшимися по подушке. Он вдыхал аромат жасмина...

и слез. Его горло сжалось. Часть его души все еще не могла поверить, что Цунаде здесь. Она оставила все в Конохе, чтобы прийти за ним.

Ради него. И она все еще была здесь, рядом с ним. Она осталась. Это должно было что-то значить.

Не удержавшись, Какаши провел большим пальцем по ее гладкой щеке и заправил прядь волос за ухо. Она зашевелилась, и он вздрогнул. Он не хотел ее будить, но должен был знать, что она проснется от его прикосновения.

Цунаде медленно моргнула; ее сонный взгляд изучал его. "К-Какаши? Что ты делаешь?"

Какаши отдернул руку. Глупец. Он не имел права прикасаться к ней, когда между ними все так неопределенно. Но все же, он не мог заставить себя отойти. "Ничего. Я просто... задумался".

"Хм..." Губы Цунаде слегка изогнулись, но она лишь со вздохом повернулась на бок, спиной к нему. "Хорошо", - пробормотала она ворчливо, закрыв глаза. "Только не усугубляй свои раны".

"Мои раны в порядке". Какаши не знал, почему он продолжает говорить. Может быть, он просто хотел успокоить ее. Но... она не отшатнулась от его присутствия. Он выдохнул, собираясь с духом. "Спасибо. За то, что пришла за мной".

Цунаде замолчала, и он долго не мог понять, услышала ли она его. Но потом она перевернулась лицом к нему. От этого движения Какаши пошатнулся, и ему пришлось упереться рукой в матрас, чтобы не упасть на Цунаде. Всего несколько сантиметров, разделявших их, не помешали ему почувствовать жар ее тела.

Какаши начал отходить назад, чтобы дать ей место, но Цунаде поймала его за руку, удерживая на месте. Ее медовые глаза, светящиеся в лунном свете, встретились с его глазами. "Я думала о нашем обещании".

Об их обещании? Обещание, которого они ждали годами, о котором мечтали? Почему она должна была думать об этом? Если только... Его охватил оцепеняющий холод, а вкус желчи грозил задушить его. Какаши не мог ответить, так как напряжение сковало его, а сумятица в голове не позволяла подобрать слова. Что, если она...?

Пальцы Цунаде сжались вокруг его руки. "Помнишь, я говорила, что не могу быть с тобой в отношениях из-за моих обязанностей хокаге? Что я не могу позволить чему-либо встать на пути?"

Какаши почти незаметно кивнул. Она боялась, что поставит их отношения на первое место, но ему было все равно. Он был готов ждать столько, сколько потребуется. Но... с тех пор многое изменилось. Он сам изменился с тех пор. Он закрыл глаза, страшась того, что увидит во

взгляде Цунаде. Но что бы она ни решила, он примет это. Даже если это убьет его изнутри.

"Но я все равно оставила все это - свои обязанности и ответственность - позади, чтобы прийти за тобой". Голос Цунаде смягчился, и теплые пальцы легонько смахнули влагу с его щеки. Он даже не осознавал, что плачет.

Слова Цунаде снова омыли его, и Какаши открыл глаза, чтобы посмотреть на Цунаде. Ее губы изогнулись в улыбке, и его сердце сжалось. Она бы не улыбалась, если бы... если бы... "Что ты хочешь сказать?"

Цунаде забавно скривила рот, но ее глаза... светились нежностью, как ни странно, к нему. "Я говорю, что слишком сильно люблю тебя. Я предан своему положению хокаге, но я также хочу быть преданным тебе. Я хочу быть рядом с тобой. Я не хочу больше ждать. Как шиноби, мы никогда не знаем, что принесет завтрашний день". Она подняла руки, обхватила его лицо ладонями и нежно вытерла последние слезы. Ее голос понизился до шепота: "Но у нас есть сегодняшняя ночь".

Переполненный эмоциями и любовью к ней, Какаши мог только смотреть на эту прекрасную, идеальную женщину, которая выбрала его, с комком в горле. Он жаждал целовать ее до тех пор, пока она не перестанет дышать, но не мог. Пока не может. "Но ты видела... что я сделал..."

"Какаши." Глаза Цунаде полыхнули внезапной свирепостью. "Ты сделал то, что тебя заставили сделать ради тех, кого ты любишь. Это не то, кем ты являешься. Думаешь, мне никогда не приходилось выполнять задания, которые разрывали меня изнутри? Несмотря ни на что, я выбираю тебя. Я не уйду. Я знаю, кто ты, и это тот, кого я люблю".

"Тсуна..." У Какаши больше не было слов. Она все еще любила его. Его сердце заколотилось так, что казалось, оно вырвется из груди, и он закрыл расстояние между ними, жар пылал в его венах. Ему нужно было поцеловать ее. Сейчас.

Но его остановил твердый палец, прижатый к его губам.

"Еще кое-что". Цунаде не отводила взгляда, хотя ее щеки покраснелись, а пульс бился о его грудь. Какаши изо всех сил старался сосредоточиться на ней, а не на близости ее тела и его горячей крови. "Никогда больше не чувствуй, что тебе нужно что-то скрывать от меня. У тебя всегда буду я, и мне нужно, чтобы ты в это поверил".

Какаши заметил блеск в ее глазах, и в груди у него защемило. Его попытка защитить ее причинила ей боль. Глубоко. Он выдохнул. "Я верю тебе. Прости меня, Тсуна". Он прижался губами к внутренней стороне ее запястья, не сводя с нее взгляда. "И пока я здесь, у тебя всегда будет весь я... все, что я могу дать".

Цунаде улыбнулась; любящая, нежная улыбка, предназначенная только для него. Улыбка, от которой у него внутри все сворачивалось в узел и он не мог думать ни о чем другом. "Я знаю".

Она поцеловала его, долго, медленно и глубоко. Полный обещаний... и приглашения.

У нас есть сегодняшний вечер.

Какаши притянул ее ближе, и Цунаде придвинулась к нему, стон в ее горле воспламенил его чувства, и он потерял себя в ее вкусе. Он вложил всю свою страсть в поцелуй, а его рука скользнула под рубашку - гладкая, теплая кожа опьяняла. Она снова поцеловала его, ее руки снова обвились вокруг его шеи и притянули его ближе, а пальцы запутались в его волосах. Он чувствовал только Цунаде: ее ноги, обхватывающие его, мягкое, электризирующее прикосновение ее кожи, ее пальцы, оставляющие огненные дорожки на его груди и торсе.

В перерывах между поцелуями Какаши прошептал в ее мягкие губы: "Цуна... Тсуна..."

<http://tl.rulate.ru/book/57297/1474587>